

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Богомолов Игорь Константинович

**Цензура в России в годы Первой мировой войны
(июль 1914 – март 1918 годов)**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Научный консультант

Андреев Дмитрий Александрович,

доктор исторических наук, доцент

Официальные оппоненты

Крестьянников Евгений Адольфович,

доктор исторических наук, доцент,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук, Институт региональных исторических исследований, ведущий научный сотрудник

Николаев Андрей Борисович,

доктор исторических наук, профессор,

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт истории и социальных наук, кафедра русской истории (XIX–XXI вв.), заведующий кафедрой

Селезнев Федор Александрович,

доктор исторических наук, профессор,

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра зарубежного регионоведения и локальной истории, профессор

Защита диссертации состоится 20 апреля 2026 года в 16:00 на заседании диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3813>

Автореферат разослан «____» 2026 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы исследования. С наступлением эпохи модернизации индустрия средств массовой информации стала важнейшим инструментом воздействия на массовое сознание. Такое воздействие резко усиливалось в ситуациях военных конфликтов и особенно в годы первого масштабного противостояния XX в. – Первой мировой войны. Для противодействия вражеской пропаганде и сохранения собственной военной тайны участники этого конфликта стремились регулировать распространение информации посредством печати, публичных выступлений, а также направленно воздействовать на общественные настроения с помощью культурных предприятий, в том числе театра и кинематографа. Таким регулятором стала цензура, превратившаяся в значимый институт общественно-политической жизни воевавших государств.

Для России затяжное участие в столь масштабном конфликте требовало наличия эффективных инструментов, позволявших контролировать распространение информации. С одной стороны, в 1905 г. была формально отменена цензура, и началось реформирование надзора за печатью, зреющими, речами и докладами. С другой стороны, опыт Русско-японской войны свидетельствовал о необходимости подготовки законодательной базы для создания в военное время специальных цензурных органов с чрезвычайными полномочиями.

О том, как функционировала военная цензура в последние годы существования императорской России, известно мало. До сих пор сведения о ней обрывочны и сводятся преимущественно к перечислению дат и основных нормативно-правовых документов. С 1920-х гг. информация о русской цензуре времен Первой мировой войны крайне редко появлялась в исследованиях из-за секретности архивных фондов, гласных и негласных запретов, действовавших вплоть до распада СССР.

Одним из последствий этих ограничений для историографии стало во многом искусственное разделение истории цензуры в России на «до» и

«после» 1917 г. Ликвидация Главного управления по делам печати (ГУДП), торжественное упразднение и скорое возвращение цензуры Временным правительством, декрет «О печати» и цензурная политика большевиков в первые месяцы после прихода к власти – все эти события неизменно и вполне заслуженно оказываются в центре внимания историков, но отводят на второй план не менее важные вопросы, на которые до сих пор нет четкого ответа: как функционировала военно-цензурная система до и после Февральской революции, кто в ней работал и какое влияние она оказала на формирование цензуры советской.

Исследования этого своеобразного «переходного периода» практически отсутствуют, информация о нем фрагментарна и рассмотрена поверхностно, из-за чего создается впечатление, что ГУДП и военно-цензурные органы, их структурное и идейное наследие безвозвратно исчезли после издания нескольких документов, а большевики создали свою собственную военно-цензурную систему фактически с чистого листа. История других учреждений раннесоветского периода подводит к мысли, что и в таком важном деле, как цензура, организационный опыт предшественников не был проигнорирован большевиками. Таким образом, на примере истории цензуры в России в 1914–1918 гг. можно проследить, как происходил институциональный транзит в этот переломный период, как функционировала сама эта система регулирования информационной и культурной политики и как она в целом влияла на жизнь общества и страны в годы Первой мировой войны.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является институт цензуры как регулятор общественно-политических и культурных процессов в России в 1914–1918 гг. Предмет исследования – государственная цензурная политика, а также практики цензуры и самоцензуры в России в период ее участия в Первой мировой войне.

Хронологические рамки исследования определяются его проблематикой и связаны с периодом участия России в Первой мировой войне с июля 1914 г. по март 1918 г. Основная нижняя рамка работы связана

с введением в действие «Временного положения о военной цензуре» 20 июля 1914 г., на следующий день после объявления Германией войны России, с чего началось формирование военно-цензурной системы на основе существовавших ранее и вновь созданных цензурных органов. Но для раскрытия предыстории вопроса необходимо отодвинуть эту нижнюю хронологическую рамку на десять лет назад, до 1904 г., когда после начала Русско-японской войны стал функционировать военная цензура, которая впоследствии – в реформированном виде – просуществовала до начала Первой мировой войны. Верхняя рамка исследования – март 1918 г., когда после подписания сепаратного Брестского мирного договора Советская Россия вышла из Первой мировой войны. К этому времени в основном завершилось упразднение и переформатирование органов дореволюционной военно-цензурной системы и начался новый этап в истории российской цензуры.

Территориальные рамки исследования связаны с его объектом и предметом и охватывают всю территорию Российской империи в границах 1914 г., на которой после начала Первой мировой войны была введена «полная» или «частичная» военная цензура.

Цель и задачи исследования. Цель работы – комплексно проанализировать государственную цензурную политику и цензурные практики в России в июле 1914 – марте 1918 гг. Для достижения этой цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- охарактеризовать цензурную политику и практику в России после революции 1905 г. и до начала Первой мировой войны;
- представить подготовку и принятие в 1905–1914 гг. основополагающих документов по организации цензурной системы на случай войны;
- реконструировать формирование военно-цензурных органов, их подчинение, структурные реформы и кадровый состав в июле 1914 – феврале 1917 гг.;

- определить цензурную политику и практику в отношении печати, попытки правительства и командования армии усилить контроль за ней накануне Февральской революции;
- раскрыть повседневную работу цензуры почты и телеграфа, общественное восприятие перлюстрации и задержек в доставке корреспонденции в годы Первой мировой войны;
- выявить особенности работы придворной, драматической, кинематографической цензуры в составе военно-цензурной системы в 1914 – феврале 1917 гг.;
- оценить состояние и повседневную работу цензуры в марте–июне 1917 г., ее преобразования и приспособление к новым политическим условиям после Февральской революции;
- объяснить реформы военной цензуры, предпринятые Временным правительством, а также практику цензуры печати, театра и кинематографа местными властями и Советами в июне–октябре 1917 г.;
- установить особенности цензурной политики большевиков в первые месяцы после прихода к власти, процесса демонтажа старой и формирования новой военно-цензурной системы в октябре 1917 – марте 1918 гг.

Методологическая основа исследования. Понятие «цензура» (от лат. *censere* – оценивать, решать) для настоящего исследования является основополагающим, определяющим его цель и задачи. Сложилось два основных подхода к определению цензуры.

В рамках институционального подхода цензура рассматривается как отдельная организация или система специальных государственных органов, предназначенных для контроля за средствами массовой информации, культурой и искусством, речами и докладами. Подчеркивание ключевой роли государства характерно для подавляющего большинства определений

цензуры, данных в научной и справочной литературе в дореволюционной, советской и постсоветской России¹.

При этом уже в определениях в литературе XIX в. встречается функциональный подход, согласно которому цензура есть прежде всего вид деятельности, а именно – процесс цензурирования («цензирования», «цензурования») текстов и произведений искусства, производимый конкретными людьми. Тем не менее и такое определение традиционно тесно связывается с государством в целом или с отдельными правительственныеими учреждениями.

Определения понятия «цензура» в научной и справочной литературе можно сгруппировать по двум основным направлениям.

Во-первых, цензура «в узком смысле» – система специальных государственных органов, предназначенных для контроля за средствами массовой информации, культурой и искусством, речами и докладами и имеющих для этого законные полномочия.

Во-вторых, цензура «в широком смысле», то есть ограничения информации и свободы слова, налагаемые государством, социальными институтами и группами, отдельными людьми. Согласно данной точке зрения, цензурой является фактически любое, законное или незаконное ограничение свободы слова. С этим направлением тесно соприкасается понятие самоцензуры – сознательных самоограничений в творческом процессе, при высказываниях и при подготовке публикаций, вызванных опасением государственных репрессий или общественного порицания.

В настоящем исследовании цензура понимается и как институт, и как совокупность мер по ограничению информации и свободы слова со стороны

¹ Зеленов М.В. Цензура: понятийный аппарат в энциклопедиях и проблемы построения энциклопедии по истории цензуры // История книги и цензуры в России. Вторые Блюмовские чтения: материалы II международной научной конференции, посвященной памяти А.В. Блюма, 21–22 мая 2013 г. / Науч. ред. М.В. Зеленов. СПб., 2014. С. 7–12; *Он же*. Политика аппарата ЦК РКП(б)–ВКП(б) в области цензуры исторической науки в 1919–1929 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Нижний Новгород, 2000. С. 8–11; Кулкова С.А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации: дис. ... докт. юр. наук. Саратов, 2018. С. 58–64.

власти и общества. Исследование военно-цензурной системы как формы организации государственных цензурных органов в России в 1914–1918 гг. сопровождается анализом цензурной политики – совокупности организационно-правовых документов, принятых государством в области цензуры, а также практик их применения в конкретно-исторических условиях.

Исследование базируется на фундаментальных принципах историзма и объективности. Принцип историзма предполагает анализ прошлого как динамики целостных и последовательно сменяющих друг друга событий. Исследование цензурной политики в условиях Первой мировой войны и революции 1917 г. невозможно без понимания политического, социального, культурного контекста развития России начала XX в. Принцип объективности необходим при анализе общественно-политических процессов, личных взглядов и устремлений представителей рассматриваемой эпохи. Он предполагает привлечение соответствующего масштабам темы комплекса источников и его критическое осмысление.

В работе применялись специальные исторические методы исследования. Так, историко-генетический метод, направленный на выявление причинно-следственных связей, необходим для подробного анализа системных факторов в развитии государственной цензурной политики и практики ее реализации в 1905–1914 гг. Проблемы контроля за печатью, театром и кинематографом приобрели в это время хронический характер, и для исправления ситуации требовалось глубокое реформирование всей цензурной системы, сложившейся после революции 1905 г. Историко-генетический метод позволил выявить не только недостатки довоенной цензуры, но и увидеть причины несовершенства военно-цензурной системы, действовавшей в годы Первой мировой войны.

Применение историко-описательного метода позволило воссоздать в деталях деятельность и процесс развития военно-цензурной системы, действовавшей в России в годы Первой мировой войны. Подробно

представлена борьба в правительстве и военном командовании вокруг полномочий цензуры, ее политизации и усиления контроля за печатью. Воссоздана последовательность шагов Временного правительства и советской власти в сфере цензурной политики в феврале 1917 – марте 1918 гг.

С помощью историко-типологического метода определены типы цензуры, действовавшей в России в 1905–1914 гг., до и после Февральской революции, в первые месяцы советской власти. Карательная цензура довоенного периода сменилась предварительной, частично отмененной Временным правительством и вновь введенной большевиками после прихода к власти.

Историко-сравнительный метод позволил выявить отличительные особенности основополагающих документов в сфере цензуры, принятых в 1914–1918 гг. В частности, этот метод применялся для сравнения «Положения о полевом управлении войск» 1890 и 1914 гг., а также вариантов «Положения о военной цензуре», разрабатывавшегося в 1909–1914 гг. Этот метод использовался и при анализе «Перечней» запрещенных сведений, регулярно обновлявшихся с 1912 г., проектов и итоговых документов Временного правительства по реорганизации военной цензуры, контроля за театром и кинематографом, публичными зрелищами, речами и докладами. Сравнению подвергались ключевые параметры цензуры на различных этапах рассматриваемого периода: структура, кадровый состав, особенности повседневной работы.

Степень разработанности темы исследования. История русской цензуры в годы Первой мировой войны до сих пор не получила достаточно подробного освещения в научной литературе. Корни этой современной ситуации уходят в революционные годы, когда была в значительной степени

утрачена историографическая традиция: исследования цензуры начала XX в.² после 1917 г. не получили логического продолжения.

В советской историографии 1920–1960-х гг. тема цензуры периода «обновленного строя» практически не затрагивалась. Даже в обзорах фондов драматической и иностранной цензуры авторы почти не упоминали относящиеся к 1905–1917 гг. документы³. Редкий в это время пример тематической публикации – сборник 1932 г. «Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны)»⁴. В нем впервые был собран большой массив задержанных писем с фронта, однако, как верно указывала позднее Н.А. Вахрушева, «археографическая обработка документов проведена слабо: отсутствуют исходные данные, иногда выдержки из разных писем объединяются в одно письмо, неверно фиксируются даты написания писем»⁵.

После XX съезда КПСС активизировалось использование массовых источников по истории Российской империи в годы Первой мировой войны, в частности – революционного движения на фронте. Задержанные цензорами солдатские письма давали для этого богатый материал, весомое подтверждение тезиса о росте антимонархических и антибуржуазных

² См., например: *Арсеньев К.К., Энгельгардт Н.А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903)*. СПб., 1904; *Русская печать и цензура в прошлом и настоящем*. М., 1905; *Новомбергский Н.Я. Освобождение печати во Франции, Германии, Англии и России*. СПб., 1906.

³ *Полянская Л.И. Архивный фонд Главного управления по делам печати: обзор // Литературное наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 603–634; Она же. Обзор фонда Центрального комитета цензуры иностранной // Архивное дело. 1938. № 1. С. 62–116; Наспер Г.М. Фонды цензурных учреждений // Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР. Обзоры документов, XVII век – 1917 г. М., 1966. С. 119–142.*

⁴ *Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Под ред. А. Максимова. Казань, 1932.*

⁵ *Вахрушева Н.А. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915–1917 гг.) // Октябрь в Поволжье и Приуралье (источники и вопросы историографии). Казань, 1972. С. 71.*

настроений в армии накануне Февральской революции⁶. Цензорские отчеты становились объектом источниковедческого анализа⁷. Однако по-прежнему не было специальных исследований, посвященных другой стороне проблемы – цензурным структурам. Время от времени использовались найденные в архивах Ставки и штабов документы цензурных органов, но скорее для иллюстрации общественно-политических процессов в военные годы⁸. Это касалось и исследований дореволюционной печати: такой важный элемент жизни любой предреволюционной газеты, как цензура, в них явно отводился на второй план⁹. Сотрудники цензуры в исследованиях того времени представляли, как правило, безымянными слугами самодержавия и «реакционного» командования армии. В 1960-х – начале 1980-х гг. причиной такой ограниченности исследований были, с одной стороны, затрудненный доступ к основным архивным фондам цензуры (прежде всего хранившихся в ЦГВИА СССР, рассекреченных только в 1988 г.), а с другой – негласное блокирование разработки этой темы и избегание в тексте самого слова «цензура» даже в посвященных XVIII–XIX вв. работах¹⁰.

⁶ Капицуков С.Г. Борьба большевистской партии за армию в период Первой мировой войны. М., 1957. С. 38–39; Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917: сборник документов. М., 1966. С. 234; Революционное движение в 1917 году и установление советской власти в Молдавии / Под ред. И.И. Минца, Я.С. Гросула. Кишинев, 1964. С. 229; Сойфер Д.И. Революционное движение солдат в Туркестане (1903–1918). Ташкент, 1969; Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919). Казань, 1971. С. 11, 31.

⁷ Протасов Л.Г. Важный источник по истории революционного движения в царской армии перед Февральской революцией // Источниковедческие работы. Вып. 1. Тамбов, 1970. С. 3–18; Он же. Источниковедческие аспекты истории революционного движения в русской армии в 1917 году // Источниковедческие работы. Вып. 3. Тамбов, 1973. С. 3–32; Черняев В.Ю. К изучению эпистолярных источников начала XX в. (контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории: сборник статей аспирантов и соискателей. М.; Л., 1976. С. 134–155.

⁸ Минц И.И. История Великого Октября. В 3 т. Т. 1. М., 1967. С. 364, 367; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 141.

⁹ Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975. С. 149–150.

¹⁰ Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры, 1917–1929. СПб., 1994. С. 12–14; Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015. С. 39.

Во второй половине 1980-х гг. появились исследования военной цензуры как отдельной структуры, имевшей свой кадровый состав, порядок работы, служебные инструкции. Одним из первых подробный анализ почтовой цензуры в Петрограде дал М. Косой в статье для сборника «Советский коллекционер» в 1987 г. Учитывая специфику издания, автор основное внимание уделил развитию штемпелей и технической работы цензоров на почте¹¹. Подробно и обстоятельно рассмотрены вопросы цензуры в столице и провинции в 1917 г., попытки Советов бороться со своими политическими противниками через закрытие газет и типографий¹². В постсоветские десятилетия историки всё чаще обращались к документам цензуры в работах по истории политических процессов и общественных настроений, печати и книжного дела, журналистики, театра и кино на рубеже XIX–XX вв. Впервые объектом исследования стали провинциальные цензурные органы, появились и работы об их кадровом составе, в частности – о работе в военной цензуре женщин¹³.

Цензура как важнейший дореволюционный институт рассматривалась гораздо реже, однако и здесь за постсоветский период достигнуты ощутимые результаты. В первую очередь стоит отметить фундаментальную монографию Н.Г. Патрушевой, в которой охвачена история цензурного ведомства Российской империи с 1865 по 1917 г. Подробно и с привлечением большого массива архивных источников рассмотрены структура и кадровый состав ГУДП и местных цензурных учреждений, биографии цензоров, ход

¹¹ Косой М. Военная цензура почтовой корреспонденции Петрограда в период Первой мировой войны // Советский коллекционер: сборник статей. № 24. М., 1987. С. 56–74.

¹² Колоницкий Б.И. Борьба с петроградской буржуазной печатью в дни корниловского мятежа // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году: сборнике научных трудов. Л., 1989. С. 297–304; *Он же*. Советы и контроль над печатью (март–октябрь 1917 г.) // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. СПб., 1994. С. 151–163.

¹³ См., например: Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3 (61). С. 29–43; Алферова Е.В. Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны // Российская история. 2024. № 2. С. 115–126; *Она же*. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского университета. 2022. № 4. С. 7–15.

цензурных реформ, дискуссий об увеличении финансирования и увеличения штатов¹⁴. При этом цензура периода Первой мировой войны рассмотрена в книге довольно кратко, в контексте цензурных реформ 1913–1916 гг. и ликвидации ГУДП в 1917 г.

Другая крупная работа последних десятилетий – монография В.С. Измозика о деятельности в России в XVIII – начале XX вв. «черных кабинетов»¹⁵. Автор подробно анализирует повседневную работу перлюстрации, методы вскрытия писем, судьбы цензоров после 1917 г. Труды последних лет о придворной и драматической цензуре начала XX в.¹⁶ также улучшили понимание структуры и кадрового состава российской цензуры этого времени.

В целом историография цензуры в России периода Первой мировой войны сделала за постсоветские десятилетия значительный шаг вперед. После снятия идеологических ограничений для исследователей открыт доступ ко всем цензурным фондам дореволюционного времени. Проведена большая работа по исследованию организационной структуры, полномочий цензуры печати. Вместе с тем в истории цензуры 1914–1918 гг. до сих пор присутствуют значительные пробелы. Цензор эпохи Первой мировой войны, его образование, политические взгляды и условия повседневной работы остаются в тени цензурных институтов, сведения о которых тоже обрывочны и противоречивы. Поэтому периодически встречающиеся ошибки при написании названий цензурных органов, неверные суждения об их полномочиях.

Таким образом, исследование русской цензуры 1914–1918 гг. необходимо не только для освещения одного из «белых пятен» в истории Первой мировой войны, но и для более полного понимания ее значения для

¹⁴ Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013.

¹⁵ Измозик В.С. Указ соч.

¹⁶ Григорьев С.И. Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007; Федяхина Е.Г. Драматическая цензура в 1914–1916 гг. // Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов. Вып. 8. СПб., 2017. С. 187–196.

общественно-политической и культурной жизни России в начале XX в. В настоящем исследовании в общее повествование впервые сведены реформы цензуры после революции 1905 г., изменения в цензурной политике и практике с началом Первой мировой войны, в феврале–октябре 1917 г. и в первые месяцы советской власти (до марта 1918 г.).

Источниковая база исследования. Для комплексного изучения цензуры в России в годы Первой мировой войны привлечен широкий круг источников, которые можно разделить на следующие группы: нормативно-правовые акты, материалы делопроизводства, справочно-статистические материалы, публицистика и периодика, источники личного происхождения.

Использованные в диссертации нормативно-правовые акты регламентировали работу цензуры в годы Первой мировой войны. Они включают в себя Устав о цензуре и печати 1893 г.¹⁷, формально продолжавший действовать и в 1914–1917 гг., Временные правила о периодической печати от 24 ноября 1905 г. и Временные правила о непериодической печати от 26 апреля 1906 г., согласно которым отменялась предварительная цензура и вводилась цензура «карательная», то есть ответственность авторов и издателей по суду. После революционных событий 1905–1907 гг. правительство старалось усилить контроль за прессой, введя на большей части территории империи режим усиленной (чрезвычайной) охраны на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г. При рассмотрении довоенной цензурной политики правительства проанализировано влияние и последствия принятого 5 июля 1912 г. закона «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства». Привлечены материалы подготовки в 1909–1914 гг. нового закона о военной цензуре, принятого наскоро из-за приближавшейся войны и ныне известного как «Временное положение о военной цензуре». Причины,

¹⁷ Устав о цензуре и печати: настольная справочная книга для авторов, переводчиков, издателей и проч. М., 1896.

по которым его разработка затянулась до последних мирных дней, рассмотрены в контексте общей реформы военного управления в России после Русско-японской войны. Для исследования этого вопроса привлечено «Положение о полевом управлении войск» 1890 г., проанализированы изменения в организации военной цензуры на театре военных действий в связи с принятием нового варианта этого документа в июле 1914 г.

После Февральской революции перед новой властью стояла задача разработки механизма регулирования печати, театра и кино, а также обоснования дальнейшей работы военной цензуры в изменившихся политических условиях. В диссертации проанализированы принятые Временным правительством 27 апреля 1917 г. постановления «О печати» и «О публичных зрелищах», определявшие порядок выхода в свет произведений тиснения, контроль за кинопрокатом и театральным репертуаром. Провал июньского наступления на фронте и июльский кризис власти подтолкнули Временное правительство к ужесточению цензурной политики, в частности – принятию 14 июля постановления «О воспрещении помещения в печати без предварительного просмотра военной цензурой сведений, касающихся действий и состояния российских армии и флота». Дальнейшее усиление контроля за печатью и корреспонденцией, структурные реформы военной цензуры исследованы на основе утвержденных 22 и 24 июля Временных правил о специальном военном почтово-телеграфном контроле и постановления «О специальной военной цензуре печати».

Приход большевиков к власти ознаменовался очередной кардинальной сменой государственной цензурной политики. К ее исследованию в диссертации привлечены «Резолюция по вопросу о печати», принятая Военно-революционным комитетом (ВРК) 26 октября, декрет Совета народных комиссаров «О печати» от 27 октября, декрет «О печати», принятый Московским ВРК 6 ноября, постановление Комитета обороны Петрограда от 22 февраля 1918 г. о закрытии «контрреволюционной печати».

При рассмотрении реорганизации военно-цензурных органов привлекались приказы Наркомата по военным делам «Об упразднении специальной военной цензуры печати» и «О переименовании Центрального военного почтово-телеграфного контрольного бюро в Военный почтово-телеграфный контроль» (26 января 1918 г.).

Дальнейшая реорганизация и централизация цензуры печати, театра и кино кратко охарактеризована при помощи постановления Московского совета рабочих и красноармейских депутатов «О цензуре над кинематографами» (17 июля 1918 г.), «Обязательного постановления Кинематографического комитета Наркомпроса о цензуре кинопродукции» (6 сентября 1918 г.), декрета Совнаркома РСФСР от 6 июня 1922 г. «Положение о Главном управлении по делам литературы и издательств (Главлит)». Для исследования цензуры в октябре 1917 – марте 1918 гг. использованы сборники декретов советской власти и документов Петроградского военно-революционного комитета, собрания узаконений и распоряжений о цензуре печати и кинематографа в советскую эпоху¹⁸.

Материалы делопроизводства включают официальную переписку министерств и ведомств, журналы заседаний комиссий и комитетов, отчеты, доклады, записки, проекты. Основная часть этих документов не опубликована и ныне хранится в различных федеральных, региональных и зарубежных архивах.

Среди опубликованных делопроизводственных источников важное место в диссертационном исследовании занимают Особые журналы Совета министров¹⁹, позволившие проследить эволюцию цензурной политики

¹⁸ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957; Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета. М., 1957; Петроградский Военно-революционный комитет: документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1966; Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А.В. Блюм. М., 2004; Кино: организация управления и власть. 1917–1938 гг.: документы. М., 2016.

¹⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1912 год. М., 2004; Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год. М., 2006.

правительства в годы Первой мировой войны. Стенограммы заседаний Государственной думы и Государственного совета за 1914–1917 гг.²⁰ воспроизводят публичные дебаты по поводу изменения проектов Устава о печати и закона о военной цензуре и в целом – взглядов разных политических сил на цензуру. Стенограммы допросов, производимых в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией²¹, помогли лучше понять особенности работы цензуры накануне Февральской революции. Обсуждения изменений в цензурном законодательстве в феврале–октябре 1917 г. отразились в журналах заседаний Временного правительства и Юридического совещания²².

Переписка между министерствами и ведомствами по вопросу о военной цензуре накануне и во время Первой мировой войны нашла отражение в фонде Совета министров в Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 1276). Разработка проектов нового Устава о печати (1913–1914 гг.) и нового «Положения о военной цензуре» (1915–1916 гг.) исследована на основании материалов комиссии при Главном управлении Генерального штаба, отложившихся в документах канцелярии Военного министерства (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 29), журналов заседаний Комиссии о печати Государственной думы (РГИА, ф. 1278), а также материалов заседаний Постоянного совета Объединенных дворянских обществ (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 434). Процесс реформирования военно-цензурной системы в 1917 г. исследован в том числе благодаря документам канцелярии

²⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1913; Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV–V. Пг., 1916; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XII. Пг., 1916.

²¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. III–V / Ред. П.Е. Щеголев. Л., 1925.

²² Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Т. 1, 3, 4. М., 2001; Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XIII. Записи хода заседаний Юридического совещания при Временном правительстве. Март–октябрь 1917 года. В 2 т. Т. 1. Март–июнь 1917 года. М., 2018; Т. 2. Июль–октябрь 1917 года. М., 2019.

Временного правительства, Особой комиссии по ликвидации ГУДП и Юридического совещания (ГАРФ, ф. 1779, 1787, 1792). Часть материалов по истории правительственной политики в отношении печати найдена в фондах Б.В. Штюрмера (ГАРФ, ф. 627) и А.А. Поливанова (РГВИА, ф. 89).

Делопроизводственная документация русской военной цензуры 1914–1918 гг. в основном сосредоточена в РГВИА. В исследовании использованы фонды Главной (ф. 13835), Петроградской (ф. 13836), Московской (ф. 13839), Рижской (ф. 13849), Иркутской (ф. 13867) военно-цензурных комиссий. В них найдены журналы заседаний, недельные и месячные отчеты военных цензоров, служебные инструкции, проекты нормативных документов, списки служащих, справки, прошения, расписания работы, личные дела.

Документы военной цензуры также почерпнуты из хранящихся в РГВИА фондов Главного управления Генерального штаба (ф. 2000), Ставки Верховного главнокомандующего (ф. 2003), штабов Северного, Северо-Западного и Юго-Западного фронтов (ф. 2019, 2031, 2067). Привлечены к исследованию материалы Тифлисской военно-цензурной комиссии из фонда штаба Кавказского военного округа (ф. 1300). Использованные в диссертации материалы Казанской комиссии хранятся в фонде штаба Казанского военного округа (ф. 1720).

Сведения о цензурных органах в приморских районах и в Финляндии, проекты организации цензуры сведений о флоте и сражениях на море найдены в документах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), в фондах штаба начальника сухопутных войск, подчиненных командующему Балтийским флотом (ф. 353), Морского Генерального штаба (ф. 418), Морского штаба Верховного главнокомандующего (ф. 716), штаба Мюнзундской укрепленной позиции (ф. 941).

С началом Первой мировой войны все существовавшие к тому моменту цензурные учреждения были инкорпорированы в общую военно-цензурную систему. Подчинявшиеся МВД главные управления и местные комитеты по

делам печати и цензуры иностранной должны были взаимодействовать с военно-цензурными комиссиями, согласовывать допустимость того или иного печатного материала, театральных пьес, кинопродукции. В диссертации используются материалы органов довоенной цензуры, продолжившие существовать и вести собственное делопроизводство. Прежде всего стоит отметить обширные фонды ГУДП и военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати (ПКДП), хранящиеся в РГИА (ф. 776, 778). Здесь отложилась значительная часть переписки об организации цензуры в 1914–1917 гг., журналы заседаний, списки цензоров, личные дела. Ценны указанные фонды и отчетами местных инспекторов по делам печати, как правило исполнявших в провинции обязанности военных цензоров. В описях 25 и 26 фонда 776 содержатся документы драматической цензуры, в частности – списки пьес, журналы заседаний, отзывы цензоров о прочитанных произведениях. Цензурные экземпляры пьес привлечены к исследованию из фонда «Драматическая цензура» Отдела рукописей и редкой книги Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки (ОРиРК СПбГТБ).

Для исследования цензуры книг, газет и журналов в годы Первой мировой войны привлечены материалы Московского комитета по делам печати (МКДП) и старшего инспектора книгопечатания и книжной торговли, хранящиеся в Центральном государственном архиве г. Москвы (ЦГА Москвы, ф. 31, 212), а также в фонде Инспекции надзора за типографиями, литографиями и т.п. заведениями в Петрограде в Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга, (ЦГИА СПб, ф. 706). Примеры отношений цензуры и печати почерпнуты из фондов газет «Русское слово» и «Русские ведомости» в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 595, 1701), а также журнала «Русское богатство», документы которого хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (РО ИРЛИ, ф. 266).

Цензура почты и телеграфа в том или ином виде действовала на всей территории империи. Материалы перлюстрации привлечены к исследованию из дел Московского охранного отделения, Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов, хранящихся в ГАРФ (ф. 63, 102, 110). В тылу «частичная выемка» отправлений производилась в основном силами местных почтово-телеграфных чиновников, занимавших должность военных цензоров. В связи с этим в диссертации большое внимание уделяется материалам почтово-телеграфных контор и округов. Часть их отчетов, докладов и прочей переписки отложилась в военно-цензурных фондах РГВИА, часть осталась в соответствующих фондах федеральных и региональных архивов. Помимо обширного и ценного фонда Главного управления почт и телеграфов (РГИА, ф. 1289), в работе использованы также фонды Эреванской (Национальный архив Армении, ф. 1002), Витебской (Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 2619), Белостокской (Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГр), ф. 1619) почтово-телеграфных контор.

Цензура Министерства императорского двора (МИДв) в годы Первой мировой войны сохранила самостоятельность, но перестала быть единственной инстанцией, оценивавшей произведения с упоминанием монарших особ. Изменения в работе придворной цензуры, новые факторы, влиявшие на принятие МИДв цензурных решений, видны по документам из отдельного фонда ведомства в РГИА (ф. 472). После начала войны сократился поток литературы, поступавшей в Россию из-за рубежа, усилился контроль за заграничными книгами и журналами. Изменения политики на этом направлении рассмотрены благодаря переписке и документации, отложившейся в фондах Центрального комитета цензуры иностранной (РГИА, ф. 779) и Московского отдельного цензора по иностранной цензуре (ЦГА Москвы, ф. 2314).

Дипломатическая цензура также действовала автономно, являясь при этом частью общей военно-цензурной системы. Оценка книг и статей на

внешнеполитические темы требовала особого подхода, знаний международной обстановки, истории иностранных государств и их языков. Принципы назначения дипломатических цензоров, особенности их работы исследованы с помощью документов Отдела печати и осведомления МИД, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ, ф. 140). Материалы о работе дипломатической цензуры почерпнуты из собрания документов «Архив “Война”», хранящегося в том же архиве (АВПРИ, ф. 134).

Значительная часть делопроизводственной переписки местных цензурных учреждений найдена в региональных архивах. Контроль за прессой, а также театром, кинематографом, публичными лекциями и народными чтениями производился при активном участии местной гражданской администрации, фонды которых в основном остались в регионах Российской Федерации и столицах бывших союзных республик. В диссертации использованы документы канцелярий московского (ЦГА Москвы, ф. 17), тифлисского (Национальный архив Грузии, ф. 17), калужского (Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. Ф-32), гродненского (НИАБГр, ф. 1) и смоленского (Государственный архив Смоленской области (ГАСО), ф. 1) губернаторов, а также приамурского генерал-губернатора (РГИА ДВ, ф. 702), енисейского (Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. Р-1813) и тобольского губернских комиссаров Временного правительства (Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. И722).

Для исследования местной цензуры привлекались фонды Витебского (НИАБ, ф. 2499) и Гродненского (НИАБГр, ф. 954) губернских жандармских управлений. Некоторые документы местной военной цензуры отложились в Национальном архиве Грузии, к исследованию привлечен фонд Тифлисского комитета по делам печати (ф. 480). Работа военных цензоров в тыловых губерниях рассмотрена на примере Владивостокского инспектора по делам

печати, фонд которого хранится в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ, ф. 24).

Часть материалов перлюстрации почерпнута из собраний, отложившихся в фонде редакции журнала «Красный архив» (ГАРФ, ф. Р6887). Отношение общества к цензуре как до, так и после Февральской революции рассмотрено благодаря опубликованным материалам меньшевиков, Бунда, Центрального военно-промышленного комитета и Особого совещания по обороне государства, а также документам о положении столичного пролетариата²³. Привлеченные к исследованию опубликованные материалы о революционном движении в армии и на флоте содержат многочисленные воззвания и письма, касающиеся в том числе вопроса о сохранении цензуры и введении ограничений против «контрреволюционных» изданий²⁴.

Справочно-статистические материалы представлены опубликованными ежегодниками за 1913–1916 гг. «Статистика произведений печати»²⁵. Приведенные в них данные важны для анализа изменений в тематическом разнообразии выходивших книг, газет и журналов, их количестве и тиражах. В эту группу также входят адрес-календари «Всеобщий календарь» и «Вся Москва», в которых содержится информация о расположении и сотрудниках цензурных учреждений²⁶. Сведения о развитии кинематографа накануне и в годы Первой мировой войны почерпнуты в том числе из справочника «Вся

²³ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. 1915–1918. В 3 т. Т. 2. 1916 / Сост. А.П. Корелин, А.С. Грузинов, М.К. Шацилло. М., 2013.

²⁴ Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году: сборник материалов и документов. Л., 1932; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982; Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917: сборник документов. М., 1966; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции (материалы к изучению истории империалистической и гражданской войны) / Под ред. А. Максимова. Казань, 1932.

²⁵ Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 году. Пг., 1915; Статистика произведений печати, вышедших в России в 1914 году. Пг., 1915; Статистика произведений печати, вышедших в России в 1915 году. Пг., 1916.

²⁶ Всеобщий календарь на 1915 год. Пг., 1915; Вся Москва: адресная и справочная книга на 1916 год. М., 1915.

кинематография» за 1916 г.²⁷, о законодательном регулировании произнесения речей и докладов – из сборника законов и циркуляров по внешкольному образованию, собранных в 1913 г. В.И. Чарнолуским²⁸.

В ходе работы над диссертацией широко привлекались материалы публицистики и периодики. В первую очередь стоит отметить газеты «Новое время», «Вечернее время», «Русское слово», «Биржевые ведомости», «Речь», «День», «Утро России», «Русские ведомости», «Петроградский листок», «Московский листок», «Киевлянин», «Колокол», «Свет», «Голос Руси», «Современное слово», «Земщина» а также британскую «Таймс». В них регулярно затрагивался цензурный вопрос, в том числе и в общем контексте государственной политики в 1914–1918 гг. Большое значение для анализа драматической и кинематографической цензуры имеет отраслевая печать, в частности, журналы «Театр и искусство», «Рампа и жизнь», «Сине-фоно», «Вестник кинематографии». На их страницах активно обсуждались вопросы контроля за сценой и кинопрокатом, составления единых правил цензуры, а также проблемы репертуара театров и синематографов после Февральской революции и прихода большевиков к власти.

При анализе возникших в 1915–1916 гг. дискуссий и слухов об ожидавшейся монополизации кинопроизводства и кинотеатров привлекалась брошюра В.М. Дементьева, доказывавшего необходимость этой меры в интересах государства²⁹. При исследовании цензурной практики и способов обхода цензуры привлечены публицистические труды В.И. Ленина³⁰.

Источники личного происхождения включают мемуары, дневники и письма. Тема цензуры часто затрагивалась в эпистолярном наследии современников, представителей самых разных слоев общества. Отношение общества к цензуре прослежено на основании писем, воспоминаний и

²⁷ Вся кинематография: настольная справочная книга. 1916. М., 1916.

²⁸ Чарнолуский В.И. Настольная книга по внешкольному образованию: полный систематический сборник законов, циркуляров, разъяснений Сената и справочных сведений. СПб., 1913.

²⁹ Дементьев В.М. Кинематограф как правительственная регалия. Пг., 1915.

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 2, 6, 12, 18, 21, 28, 30, 31, 34, 41. М., 1960–1973.

дневников из личных фондов Л.П. Меньщикова, П.И. Аверьянова, Н.В. Кончевской (ГАРФ, ф. 1723, 7332, Р6753). Особенности работы военной цензуры в Петрограде во второй половине 1917 – начале 1918 гг. обрисованы в частично опубликованном дневнике цензора В.В. Суханина³¹. Условия работы журналистов на Восточном фронте, вопросы информационной политики отражены в письмах американского корреспондента лондонской «Таймс» Стэнли Уошберна из фонда владельца этой газеты Альфреда Хамсворта (лорда Нортклиффа) в Британской библиотеке³², а также в дневнике В.Э. Грабаря, хранящемся в библиотеке Тартуского университета³³.

Работа цензуры упоминается в опубликованных дневниках и письмах императора Николая II и императрицы Александры Федоровны³⁴, депутатов, чиновников, журналистов, писателей и поэтов, фронтовиков, гимназистов, учителей, а также самих цензоров³⁵.

Таким образом, источниковая база диссертации репрезентативна для раскрытия темы диссертации, которая рассматривается по заявленным исследовательским задачам.

³¹ Вебер М.И., Суржикова Н.В. «Особенного ничего не было»: Петроград 1917 года в дневнике военного цензора В.В. Суханина // Уральский исторический вестник. 2017. № 3 (56). С. 41–51.

³² British Library Archives and Manuscripts. Northcliffe Papers. Vol. СП. Correspondence with Stanley Washburn. 1914–1922.

³³ Tartu ülikooli raamatukogu (Библиотека Тартуского университета). Ф. 38. Д. 50.

³⁴ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.; Пг., 1925; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Пг., 1927.

³⁵ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920; Гессен И.В. В двух вехах. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991; Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008; Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009; Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003; Гиппкус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929; Теляковский В.А. Дневники директора Императорских театров. 1913–1917. Санкт-Петербург. М., 2017; Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909–1917) // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 93–114; Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М., 1962; Дубнова-Эрлих С. Хлеб и маца: воспоминания. Стихи разных лет. СПб., 1994; Повседневная жизнь старой русской гимназии. Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы. СПб., 1998; Архиепископ Никон (Рождественский). «Козни врагов наших сокруши...»: дневники. М., 2008; «Господи! Скоро ли кончатся наши муки!..»: дневники прапорщика К.В. Ананьева // Первая мировая: взгляд из окопа. М.; СПб., 2014; Жданова А.А. Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь, 2014; Тайны русской души. Дневник гимназистки. М., 2015; Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны, 1914–1917. М., 2016.

Научная новизна исследования. В настоящем исследовании впервые в качестве единого процесса рассматривается цензурная политика и практика в Российской империи периода «обновленного строя» (1905–1917 гг.). Выделены особенности организации цензурного контроля после отмены предварительной цензуры, предпосылки формирования военно-цензурной системы.

Реконструированы история разработки и содержание ключевых нормативно-правовых актов («Временное положение о военной цензуре», «Положение о полевом управлении войск»), а также служебных инструкций и рекомендаций цензорам. Подробно изучены правовые основы функционирования цензуры накануне Первой мировой войны.

На основе новых архивных источников впервые детально воспроизведены организация и структура военно-цензурных органов, их кадровый состав и принципы комплектования. Указаны причины организационных, кадровых, финансовых проблем военно-цензурной системы, в конченом счете повлиявших на ее эффективность, отношение к ней власти и общества.

Развитие военно-политического кризиса в России в 1915–1916 гг. впервые анализируется в контексте попыток правительства и Ставки усилить контроль за прессой и подавить нараставшие оппозиционные настроения в обществе. Показано значение цензуры печати, ставшей значимым и до сих пор недооцененным фактором разрастания кризиса до масштабов революции в феврале 1917 г.

В диссертации впервые предпринято комплексное исследование почтово-телеграфной цензуры в России времен Первой мировой войны. Рассмотрены такие вопросы, как финансово-хозяйственное обеспечение, быт и повседневная работа цензоров, причины массовых задержек корреспонденции и общественное недовольство этим в 1914–1918 гг.

Подробно анализируется деятельность придворной, драматической и кинематографической цензуры как частей общей военно-цензурной системы

в 1914 – феврале 1917 гг. Изучение работы указанных видов цензуры значительно дополняет историю отечественного театра и кино начала XX в., показывает с новой стороны их восприятие в обществе и взаимодействие с властями.

В диссертации впервые проведено комплексное исследование цензуры в первые месяцы после Февральской революции, включая не только цензурную политику Временного правительства, но и практику наложения цензурных ограничений в условиях дезорганизации государственного управления. Рассмотрены, в частности, попытки ввести фактическую цензуру Советами, армейскими комитетами, местными гражданскими и военными властями.

Цензурные реформы Временного правительства анализируются сквозь призму общей непоследовательности внутриполитического курса и кризисов власти. Показано, как возвращение предварительной цензуры сопровождалось дальнейшей децентрализацией контроля за печатью, театром и кинематографом, как увеличивался разрыв между декларативными нововведениями и практикой цензуры на местах.

Цензурная политика большевиков в конце 1917 – начале 1918 г. впервые рассматривается не отдельно от предшествовавшего периода, а в контексте трансформации институтов цензурного контроля, унаследованных еще со времен существования монархии. Констатируется, что упразднение прежней военно-цензурной системы происходило одновременно с формированием советской цензуры, основанной на институциональном, правовом и организационном опыте, полученном в годы Первой мировой войны.

Теоретическая значимость исследования. Предпринятый в ходе работы над диссертацией выход за пределы традиционной периодизации истории дореволюционной и советской цензуры позволил проанализировать их в качестве составных частей единого процесса развития цензуры в России в начале XX в. Привлеченный широкий круг ранее неизвестных архивных источников дополняет сложную и многообразную картину общественно-

политической и культурной жизни России в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. Предложенный в работе подход может быть распространен на изучение истории других институтов императорской России, трансформированных, но сохранившихся после Февральской революции 1917 г. и даже после установления советской власти.

Практическая значимость исследования. Результаты, полученные при изучении российской цензуры последних лет существования императорской России и первого года после Февральской революции 1917 г., опыта организации военно-цензурной системы, недостатков ее функционирования, могут быть использованы при дальнейшем исследовании вопросов информационной и культурной политики, а также формирования общественного мнения как властью, так и оппозиционными ей силами в годы Первой мировой войны, в период февраля–октября 1917 г. и после установления власти большевиков. Полученные в ходе работы над диссертацией сведения также могут быть использованы для подготовки учебных пособий, общих и специальных лекционных курсов по истории России конца XIX – начала XX в., истории Первой мировой войны, цензуры и пропаганды.

Достоверность исследования обеспечивается использованием широкого круга опубликованных источников и неопубликованных материалов из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Калуги, Красноярска, Смоленска, Тобольска, Еревана, Гродно, Еревана, Лондона, Минска, Тарту, Тбилиси, проанализированных на основе принципов историзма и объективности.

Апробация результатов исследования. Диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные результаты диссертации опубликованы в 30 научных работах общим объемом 37,6 п.л., в том числе в 20 статьях общим объемом 17,9 п.л. в

рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура исследования определяется проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 664 страницы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. К началу XX в. цензура в России представляла собой разветвленную структуру, предназначенную для контроля за печатью, театром, кинематографом, речами и докладами. Исторически основную роль в области цензуры играло Министерство внутренних дел через его подразделения – Главное управление по делам печати и Центральный комитет цензуры иностранной. Контроль на местах осуществляли цензурные комитеты и инспекторы по делам печати, а также местные власти и полиция. В результате революции 1905 г. предварительная цензура была отменена, однако фактически продолжала существовать, чему в немалой степени способствовало сохранение действия на большей части империи режима усиленной (чрезвычайной) охраны, дававшего местным властям широкие полномочия. Это приводило к непоследовательным и противоречивым решениям, зависевшим не столько от циркуляров МВД, сколько от усмотрения губернатора, полицмейстера и других должностных лиц на местах.

2. Среди недостатков государственного управления, выявленных во время Русско-японской войны, немаловажное место занимала организация военной цензуры. Цензурный контроль был децентрализован, основные полномочия в этом вопросе получили штабы армий. Ошибочность такого подхода стала очевидной к концу первого года войны: печать и фронтовые корреспонденты жаловались на непоследовательность цензоров. Эта

проблема учитывалась при разработке нового «Положения о полевом управлении войск» и «Положения о военной цензуре». Однако из-за ведомственных противоречий разработка этих документов затянулась до июля 1914 г., они были приняты в спешке и не учитывали особенностей государственного управления империи после начала мировой войны.

3. Введенное в действие 20 июля 1914 г. «Временное положение о военной цензуре» предполагало межведомственный принцип организации цензурного контроля. Однако вопрос централизованного управления так и не был уложен: Главная военно-цензурная комиссия не имела влияния на зону «полной» военной цензуры (театр военных действий). Основным источником цензурных кадров стали комитеты и инспекции по делам печати, почтово-телеграфные конторы и отделения, уездные исправники, полицмейстеры и жандармы, сохранившие основное место работы и ведомственное подчинение. На практике это стало причиной конфликтов военных и гражданских властей по кадровым, хозяйственным и финансовым вопросам. В целом военно-цензурная система была разбалансирована и децентрализована, и попытки исправить эту ситуацию в годы войны не принесли желаемого результата.

4. Предварительная цензура печати формально вводилась только для контроля материалов о войне, и общество с пониманием отнеслось к этим ограничениям во имя достижения победы. Распространенным было мнение, что военная цензура может и должна быть узкоспециальной, касаться только военных тем и не вмешиваться в обсуждение политических и экономических вопросов. Однако в условиях широкомасштабной войны провести границу между ними оказалось практически невозможно, и правительство не стремилось это сделать, на практике наделив цензуру фактически неограниченными полномочиями. Противоречивые решения цензоров, «белые пятна» на газетных полосах усиливали распространение всевозможных слухов и подрывали доверие к официальной информации.

5. Составители «Временного положения о военной цензуре» недооценивали масштабы работы, которая предстояла цензорам почты и телеграфа. В первые недели войны стала очевидной несостоительность идеи возложить эти обязанности только на почтово-телеграфных чиновников. Хронический дефицит кадров восполнялся за счет найма гражданских чинов и женщин, однако даже при постоянно растущих штатах удавалось просматривать не более 10–15 процентов всей корреспонденции. Массовые задержки отправлений, перлюстрация писем вызывали широкое общественное недовольство и формировали образ военной цензуры как неэффективной организации, не охранявшей должным образом военную тайну, но лишь усложнявшей повседневную жизнь.

6. После революции 1905 г. сохранилась предварительная цензура театральных постановок. Остались цензурные полномочия и у Министерства императорского двора, отслеживавшего образы царской семьи в массовой культуре. Драматическая цензура действовала при Главном управлении по делам печати, однако контроль за постановками в провинции находился под сильным влиянием местных властей: губернатор или полицмейстер могли отменить спектакль даже в том случае, если он был разрешен в Петербурге. Такая же ситуация сложилась и в кинематографе, и несмотря на все просьбы представителей отрасли единая киноцензура, определявшая общие правила экспертизы, так и не была создана ни до, ни во время войны.

7. Февральская революция привела к отмене политической цензуры, но военно-цензурная система в основе своей сохранилась. Новые власти и командование армии предпринимали меры по восстановлению контроля за печатью, корреспонденцией, театром и кино. Однако эти действия были противоречивыми и непоследовательными. Понимая, что без цензуры в той или иной форме не обойтись, Временное правительство до поры избегало полного восстановления ее полномочий, опасаясь обвинений в покушении на завоеванные свободы. Советы действовали более решительно, считая себя вправе закрывать «контрреволюционные» издания, регулировать репертуар

театра и кино. Распространение низовой, самовольной цензуры на местах отражало общее падение управляемости на фоне разраставшейся революции.

8. Провал июньского наступления на фронте и июльский кризис власти подвигли Временное правительство к активизации цензурных реформ. Восстановление предварительной цензуры печати, закрытие ряда большевистских изданий, появление «белых пятен» на газетных полосах стали неожиданными для общества, видевшего в этом напоминание о, казалось бы, безвозвратно ушедших дореволюционных временах. После корниловского выступления реформы продолжились, разделение на почтово-телеграфный и печатный контроль предваряло новый этап централизации цензуры, который, однако, не был завершен до октября 1917 г.

9. Цензурная политика большевиков после прихода к власти строилась прежде всего на установлении контроля за средствами печати при формально сохранявшейся свободе слова. Давление на прессу усиливалось сообразно с укреплением нового государственного аппарата, растущими внешними и внутренними угрозами советской власти. Судьба старых органов цензуры оставалась неопределенной вплоть до марта 1918 г. С одной стороны, была очевидна необходимость их упразднения в связи с заключением Брестского мира. С другой стороны, функции, которые они выполняли в предыдущие годы, были востребованы. Основываясь во многом на опыте предшественников, большевики с конца 1917 г. начали создавать новую – уже советскую – систему цензурного контроля.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дано обоснование научной значимости и актуальности темы исследования, обозначаются объект и предмет диссертации, ее хронологические и территориальные рамки, цель и задачи, характеризуется методологическая основа исследования, оцениваются степень разработанности темы диссертации и источниковая база, обосновывается научная новизна работы, обозначается теоретическая и практическая

значимость диссертации, аргументируется ее достоверность, приводится информация об аprobации результатов исследования и его структуре, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Организация и структура цензуры в России накануне и в годы Первой мировой войны» – говорится об организационных основах русской цензуры в 1904–1914 гг. Анализируются проекты нового Устава о печати (1912–1914 гг.) и «Положения о военной цензуре», формирование и реформы военно-цензурной системы, кадровый состав цензурных органов в 1914 г. – феврале 1917 г.

В первом параграфе – «Разработка Устава о печати в 1912–1914 гг. и довоенные дискуссии о цензурной реформе» – разбираются попытки правительства и Думы выработать новое законодательство о печати, учитывающее реалии, сложившиеся после революции 1905 г. Рассматриваются варианты нового Устава о печати, подготовленные Объединенным дворянством, думскими фракциями и МВД. Указывается, что последний проект, с небольшими изменениями, был в итоге внесен на рассмотрение Думы. Подчеркивается, что общий правительственный курс предполагал усиление контроля за печатью и публичными зреющими. Отмечается, что содержание проекта показывало и основное намерение его составителей: найти возможности фактически, а не официально восстановить предварительную цензуру, не нарушив основ Манифеста 17 октября.

Во втором параграфе – «Проекты организации военной цензуры в 1904–1914 гг.» – анализируются деятельность военной цензуры во время Русско-японской войны и разработка ее организационных основ в послевоенный период. Показывается, что обсуждение нового «Положения о полевом управлении войск» производилась с 1906 г., но была закончена в спешке уже последние дни перед Первой мировой войной. Делается вывод, что незавершенность этого ключевого документа напрямую сказалась на качестве и проработанности «Временного положения о военной цензуре».

В третьем параграфе – «Начало Первой мировой войны и формирование военно-цензурной системы» – освещаются процесс введения военной цензуры на территории Российской империи, организационные сложности и структурные недостатки военно-цензурной системы. Подчеркивается, что предусмотренный «Временным положением о военной цензуре» межведомственный принцип формирования военно-цензурных комиссий был призван скоординировать работу всех органов власти как на фронте, так и в тылу. Вместе с тем говорится, что на практике это приводило к ведомственным конфликтам, хозяйственно-бытовым и финансовым сложностям и снижало эффективность военно-цензурной системы.

В четвертом параграфе – «Реформы военной цензуры в 1915 – начале 1917 гг.» – рассматриваются основные проекты преобразований военно-цензурной системы. Отмечается, что необходимость в этом стала очевидной после военных поражений и политического кризиса летом и осенью 1915 г. Раскрывается, что в рамках таких преобразований предусматривались улучшение финансирования, значительное увеличение кадрового состава, преодоление межведомственных конфликтов и создание более эффективного, централизованного руководства военной цензурой. Делается вывод, что основная часть этих проектов либо не была реализована, либо не позволила достичь поставленных целей: накануне Февральской революции военная цензура просматривала не более 10–15 процентов корреспонденции, сложными оставались и отношения с печатью, недовольной цензурной политикой.

В пятом параграфе – «Кадровый состав военно-цензурных органов» – изучаются принципы их комплектования, приводится статистика обеспеченности кадрами в столице и в провинции. Анализируются меры по улучшению качества цензорской работы: проверка «благонадежности», экзамены на знание иностранных языков, повышение жалования, награждения за службу и наказания за различные нарушения.

В шестом параграфе – «Женщины в военно-цензурной системе: от “переводчиц” к цензорам» – освещается широкое привлечение женщин к цензорской работе. Показывается, что по мере призыва на фронт всё большего числа мужчин соотношение полов в кадровом составе военной цензуры стремительно менялось в пользу женщин и они работали практически во всех отделах цензуры, в первую очередь в просмотре корреспонденции военнопленных, писем и телеграмм на иностранных языках.

Вторая глава – «Цензура почты и телеграфа в 1914 – феврале 1917 гг.» – посвящена порядку и повседневности работы, а также общественному восприятию почтово-телеграфной цензуры до Февральской революции.

В первом параграфе – «Повседневная работа цензуры писем, телеграмм и посылок» – рассматриваются основные принципы и ежедневный распорядок работы почтово-телеграфной цензуры на фронте и в тылу. На основе сохранившихся в архивах отчетов просмотра писем характеризуется средняя результативность цензоров, выявляются принципы отбора корреспонденции, проблемы во взаимодействии цензоров и их начальства.

В втором параграфе – «Почтово-телеграфная цензура и общество» – исследуется общественное восприятие цензуры корреспонденции. Показывается, что регулярные задержки почты вызывали массовое недовольство на разных уровнях российского общества – от рядовых солдат до высшего командного состава армии, чиновников и дипломатов, а попытки изменить ситуацию за счет реорганизации и повышения качества кадрового состава не приводили к улучшению образа цензуры, продолжавшей восприниматься как в целом бесполезная структура, усложнявшая жизнь простых людей, но не предотвращавшая шпионаж.

В третьем параграфе – «Шпионаж, тайнопись и военная цензура» – рассматривается участие цензоров в раскрытии шпионских сетей и различных преступлений. Показывается, что для этого составлялись «секретные списки» подозрительных адресатов, налаживалось

взаимодействие в этом вопросе с союзниками по Антанте, разрабатывались инструкции и создавались лаборатории для обнаружения тайнописи. При этом делается вывод, что из-за малого количества просматривавшихся писем (не более 10–15 процентов), многочисленных ошибок и недостатка кадров помочь военной цензуре не позволяла пресекать всю шпионскую переписку, что в том числе вызывало критику со стороны как общества, так и командования армии.

В четвертом параграфе – «Фронтовая журналистика и цензура» – показывается взаимодействие цензурных органов и корреспондентов, работавших на театре военных действий. Отмечается, что первоначальное решение не допускать журналистов на фронт Ставка пересмотрела уже в сентябре 1914 г., после поражений русской армии в Восточной Пруссии. Обращается внимание на то, что хотя и были организованы группы для обзора позиций, однако для корреспондентов этого было недостаточно, а высокий интерес общества к войне не удовлетворялся в том числе из-за жестких цензурных ограничений, что в конечном счете приводило к распространению ложных слухов о положении на фронте.

В пятом параграфе – «Бытовые условия работы почтово-телеграфной цензуры» – разбираются детали цензорской повседневности: рабочие помещения, обеспеченность канцелярскими принадлежностями, продуктами, дровами и т.д. Подчеркивается, что построенные до войны здания не были рассчитаны на быстрое увеличение кадрового состава цензуры, что приводило к тесноте, заболеваниям, антисанитарным условиям, и до конца войны эту проблему удалось решить лишь частично.

Третья глава – «Цензура печати в России (1914 – февраль 1917 гг.)» – посвящена основным направлениям правительственной политики по контролю за прессой, восприятию цензуры редакциями газет и журналов, а также фактору цензуры в условиях политического кризиса накануне Февральской революции.

В первом параграфе – «Инструкции и повседневная работа цензуры книг, газет и журналов» – анализируются меры правительства и Ставки по организации газетной цензуры, инструкции и предписания по просмотру цензорами печатных материалов, освещаются особенности повседневной работы цензоров в Петрограде и провинции, на фронте и в тылу.

Во втором параграфе – «Печать, общество и цензура: взаимодействие и восприятие» – исследуются отношения цензуры и редакций печатных изданий. Показываются попытки журналистов и редакций договориться с цензорами, военными и гражданскими властями о смягчении наказаний и изменить решения по запрещенным материалам. Делается вывод, что в целом пресса воспринимала введенные с началом войны ограничения как возвращение к предварительной цензуре старого порядка, при этом невысоко оценивая ее эффективность и пользу для достижения победы.

В третьем параграфе – «“Священное единение”, “патриотическая тревога” и военная цензура» – разбирается обсуждение цензурного вопроса Думой и правительством на первом этапе войны. Отмечается, что в условиях патриотического подъема власти и печати в целом удавалось избегать конфликтов, однако военно-политический кризис лета 1915 г. многое изменил, а нараставшую оппозиционность прессы правительство рассматривало как угрозу, хотя до поры не предпринимало попыток усилить на нее давление.

В четвертом параграфе – «Правительство и цензурный вопрос между думскими сессиями (сентябрь–декабрь 1915 г.)» – показывается новый этап противостояния власти и печати во второй половине 1915 г. Отмечается, что после роспуска Думы в сентябре председатель Совета министров И.Л. Горемыкин при поддержке Николая II и большей части правительства предпринял усилия по политизации цензуры, расширению ее полномочий для ограничения оппозиционной печати. Подчеркивается, что часть этих мер была реализована, однако полностью осуществить планы Горемыкин не успел из-за отставки с поста премьер-министра в январе 1916 г.

В пятом параграфе – «Цензура печати накануне революции (январь 1916 – февраль 1917 гг.)» – оценивается заключительный этап правительственной политики по цензурному вопросу перед падением монархии. Говорится о том, что начатое еще летом 1915 г. рассмотрение Думой нового закона о военной цензуре так и не привело к появлению согласованного варианта, а основной вопрос – где проходит граница между военной и политической цензурой – так и не был решен, что стало одной из причин усиления противостояния Думы и правительства. Делается вывод, что в ноябре 1916 – феврале 1917 гг. в полной мере проявилась неэффективность организации цензуры печати, в решающий момент фактически вышедшей из-под контроля власти.

Четвертая глава – «Цензура публичных зелищ, речей и докладов в 1914 – феврале 1917 гг.» – посвящена драматической, кинематографической цензуре, а также контролю за открытыми лекциями и народными чтениями.

В первом параграфе – «Драматическая цензура: инструкции и повседневная работа» – показываются функционирование контроля за театральными постановками, процесс одобрения пьес и либретто. Отмечается, что этим направлением, как и до революции 1905 г., занималось Главное управление по делам печати, а предварительная цензура театра фактически не отменялась и в общих чертах сохранялась вплоть до Февральской революции. Обращается внимание на то, что в условиях войны цензорам необходимо было плотнее взаимодействовать с военно-цензурными комиссиями и учитывать военные, дипломатические и иные факторы, а постановщики и авторы пьес, как и до 1914 г., стремились обойти цензуру, что им зачастую удавалось. Указывается, что контроль со стороны местных властей на практике был строже и гораздо менее предсказуемым, чем драматическая цензура в Петрограде.

Во втором параграфе – «Контроль за кинематографом накануне и в годы Первой мировой войны» – анализируется повседневная работа военной киноцензуры. Показывается, что централизованная цензура фильмов

фактически отсутствовала как до, так и после начала войны. Отмечается, что для кинофирм и прокатчиков это вызывало множество проблем, главная из которых – непредсказуемость местных властей, зачастую не ориентировавшихся на центральную власть при решении о допустимости или недопустимости той или иной киноленты. Подчеркивается, что до Февральской революции вопрос о единой цензуре кино ставился, но так и не был решен.

В третьем параграфе – «Цензура речей и докладов в 1914 – феврале 1917 гг.» – разбираются законодательные основы контроля за публичными лекциями и народными чтениями. Обращается внимание на то, что на практике решение вопроса о допустимости или недопустимости того или иного мероприятия принимали местные власти, руководствуясь при этом своими представлениями и полученными данными о благонадежности лекторов и организаторов. Отмечается, что в 1914–1917 гг. усилилось взаимодействие по этому вопросу с военной цензурой, прежде всего при согласовании лекций о причинах, смысле и ходе войны.

В пятой главе – «Цензура в России в феврале 1917 – марте 1918 гг.» – освещается период между Февральской революцией и выходом России из войны, после которого были окончательно демонтированы созданные ранее цензурные органы и началось создание новой, уже советской, военной цензуры.

В первом параграфе – «Февральская революция и цензура старого порядка» – рассматривается работа цензурных органов в первые недели после падения монархии. Показываются захваты и разгромы цензурных учреждений в Петрограде и в провинции. Говорится о присяге военно-цензурных комиссий и цензоров Временному правительству. Указывается, что политическая цензура прекратила свое существование явочным порядком, а затем и официально была отменена новой властью, при этом положение военной цензуры оставалось неопределенным.

Во втором параграфе – «Цензурная политика Временного правительства в марте–августе 1917 г.» – анализируются попытки новой власти организовать цензуру в новых политических условиях. Отмечается, что Временное правительство, осознавая необходимость прояснения ситуации с военной цензурой, тем не менее затягивало решение этого вопроса, вероятно, опасаясь ухудшения внутриполитической ситуации, а июльский кризис заставил власть восстановить цензуру печати и усилить надзор за корреспонденцией.

В третьем параграфе – «Попытки реформ военной цензуры в сентябре–октябре 1917 г.» – исследуются меры Временного правительства по повышению эффективности цензурного контроля осенью 1917 г. Отмечается, что в этот период началась реализация цензурной реформы, в частности – разделение цензуры печати и корреспонденции, строгое ограничение полномочий цензоров и контролеров, сокращение цензурных пунктов и кадрового состава.

В четвертом параграфе – «Политика большевиков в области цензуры печати (октябрь 1917 – март 1918 гг.)» – изучаются первые шаги советской власти по контролю за газетами и журналами. Подчеркивается, что декрет «О печати» стал водоразделом в истории российской печати: часть «буржуазных» изданий была закрыта большевиками, часть продолжила выходить в новых условиях, меняя названия и адреса редакций. Обращается внимание на то, что левоэсеровский мятеж в июле 1918 г. стал поводом к окончательному закрытию небольшевистских газет и журналов.

В пятом параграфе – «Реформа военного контроля в конце 1917 – начале 1918 г.» – рассматриваются последние месяцы работы старых органов контроля корреспонденции. Говорится, что после прихода большевиков к власти запланированное еще при Временном правительстве сокращение кадрового состава значительно ускорилось: в январе–феврале 1918 г. в разных пунктах было уволено до 90 процентов контролеров, а большая часть отделений прекратила существование. Указывается, что в марте, после

подписания Брестского мирного договора, созданная в 1914 г. военно-цензурная система была окончательно демонтирована, хотя на ее основе началось создание уже советской цензуры и перлюстрации.

В **шестом параграфе** – «Революция и цензура театра и кино» – анализируются попытки Временного правительства, а затем и советской власти восстановить контроль за публичными зрелищами. Отмечается, что и власти, и обществу уже весной 1917 г. стало понятно, что без предварительной цензуры была невозможна деятельность театра и кинематографа, но при этом попытки найти баланс между необходимым контролем и сохранением завоеванных свобод в целом окончились неудачей. Указывается, что еще до октября 1917 г. местные Советы налагали ограничения на кино и театр, исходя из собственных представлений о допустимом на экране и на театральных подмостках, а в первые месяцы после прихода к власти большевики начали планомерную централизацию цензурного контроля за публичными зрелищами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **заключении** подводятся общие итоги исследования в соответствии с поставленными задачами, формулируются выводы работы.

Имея разветвленную структуру и широкие полномочия к началу XX в., цензура в России контролировала все сферы интеллектуальной жизни общества, влияла на содержание печати, репертуар театра и кино, публичные выступления. При этом на рубеже XIX–XX вв. стал очевиден дефицит сил и средств для поддержания должного контроля за постоянно растущим рынком печати, театральными постановками, широкой сетью кинотеатров. Революция 1905 г. стала мощным толчком для развития прессы и привела к кардинальным реформам системы ее контроля. Тем не менее как у центральных, так и у местных властей после 1905 г. сохранялись возможности для закрытия газет и журналов и предотвращения появления на их страницах нежелательных сведений. Подготовленный МВД в 1912–1913

гг. проект нового Устава о печати предполагал фактическое восстановление предварительной цензуры. Война остановила обсуждение документа, однако его принятие если и было возможным, то с большим сопротивлением со стороны Думы.

Параллельно разрабатывался проект документа, регулировавшего цензуру военного времени. В годы Русско-японской войны этот вопрос пришлось решать уже в разгар боевых действий, так как составители «Положения о полевом управлении войск» 1890 г. не предусмотрели создания военно-цензурных органов. После окончания войны разработчики нового «Положения о полевом управлении войск» предполагали издание отдельного «Положения о военной цензуре», в котором прописывались бы принципы организации и комплектования цензурных органов. Разработка документа началась еще в 1909 г., однако из-за ведомственных противоречий его принятие затянулось до последних дней перед мировой войной. В итоге нерешенными остались многие важные организационные вопросы, в первую очередь касавшиеся разделения цензурных полномочий между военными и гражданскими властями в прифронтовых губерниях. В перспективе это привело к конфликтам, многочисленным ошибкам и непоследовательным решениям цензоров.

Составители «Временного положения о военной цензуре» опирались на межведомственный принцип ее организации. Формально центром военно-цензурной системы должна была стать Главная военно-цензурная комиссия, к работе в которой предполагалось привлечь представителей МВД, МИД, Военного, Морского и других министерств. Однако главная проблема цензурной структуры времен Русско-японской войны – отсутствие централизованного управления – в итоге так и не была решена. Полномочия Главной военно-цензурной комиссии не простирались дальше тыловых губерний, где определенное влияние на цензурные решения оказывали также местные военные и гражданские власти. В зоне «полной» военной цензуры решения принимали военно-цензурные отделения и комиссии штабов армий,

фронтов и военных округов. Эта сложная и многоуровневая система отражала общий кризис управления империи и затяжной конфликт между военными и гражданскими властями в 1914–1917 гг. Своеобразным символом этих процессов стала борьба вокруг подчинения петроградской цензуры, за годы войны разросшейся в крупную и разветвленную структуру и ставшей важным фактором в политических процессах накануне Февральской революции.

С началом войны в русском обществе широко были распространены понимание необходимости охранения военных тайн и убеждение, что цензура должна быть узкоспециальной, не затрагивающей вопросы политики и экономики. Однако на практике это было практически неосуществимо: фактически любой вопрос мог рассматриваться как важный для военных интересов государства. Размытые полномочия цензоров в итоге привели к многочисленным противоречивым решениям: один и тот же материал мог быть разрешен и запрещен в разных губерниях. Другой результат такой непредсказуемости – появление на газетных полосах пропусков («белых пятен»), наличие которых усиливало распространение всевозможных слухов. На фоне политического кризиса лета 1915 г. Дума предприняла попытку принять новый закон о военной цензуре, однако она не удалась вследствие возобладавшего со второй половины 1915 г. стремления правительства к дальнейшей политизации цензуры для ограничения печати.

Масштаб необходимой работы явно недооценивался составителями «Временного положения о военной цензуре». В попытках справиться с огромным потоком корреспонденции и по возможности пресекать шпионскую переписку цензурное руководство последовательно наращивало штаты цензоров, главным образом за счет гражданских чинов, отставных военных и женщин. Тем не менее просматривать удавалось в среднем не более 10–15 процентов корреспонденции. Одним из главных последствий стали залежи огромного количества писем, телеграмм и посылок. Многомесячные задержки отправлений вызывали широкое общественное

недовольство и символизировали неэффективность военно-цензурной системы. В повседневной практике она в целом не решала поставленных перед нею задач. Просматривая небольшую часть почтово-телеграфной корреспонденции, цензоры могли отследить изменения в настроениях общества, но не перекрыть полностью каналы передачи по почте секретных и запретных сведений.

Театр и кинематограф всегда находились под пристальным вниманием властей, однако в условиях войны контроль за ними становился важной частью обеспечения общественного спокойствия в тылу. Стремление антрепренеров и кинофирм показывать то, что в первую очередь интересовало зрителя, зачастую шло вразрез с представлениями властей в пределах допустимого на экранах и на сцене. Далеко не всегда желательными признавались сюжеты, связанные с военной тематикой. В то же время инструменты контроля театра и кино не претерпели с началом войны больших изменений. Попытка централизовать военную цензуру кинолент была предпринята только в Петрограде, где при столичной военно-цензурной комиссии был создан кинематографический отдел. Театр же, как и прежде, оставался в ведении драматической цензуры, которая сохранила свою обособленность, принципы работы, кадровый состав. В условиях нарастания общественно-политического кризиса в 1915–1916 гг. контроль за театром и кино значительно усложнялся, требовалось реформирование цензуры, однако до февраля 1917 г. значимых изменений на этих направлениях не произошло.

Одним из главных результатов Февральской революции явилась отмена предварительной цензуры, символом чего стало упразднение Главного управления по делам печати. Однако военная цензура сохранилась и не потеряла своего значения. Борьба за влияние на нее отражала общее напряжение между Ставкой, Временным правительством, Петроградским Советом и местными властями. Действия Временного правительства в цензурном вопросе были противоречивыми: оно понимало необходимость контроля за печатью, театром и кинематографом, но опасалось обвинений в

наступлении на свободу слова и печати. Дискуссии о том, как эффективно организовать этот контроль, развернулись как во власти, так и в обществе. Для многих современников наступившая «свобода» обернулась вседозволенностью на театральных сценах и киноэкранах, общим падением уровня публичных зрелиц.

Неудачное наступление войск Юго-Западного фронта в июне 1917 г. показало, помимо прочего, необходимость усиления контроля за печатью, широко освещавшей дезорганизацию армии. Переломным моментом стал июльский кризис власти, подтолкнувший Временное правительство к решительным действиям и реальной цензурной реформе. Одновременно с закрытием ряда большевистских газет была восстановлена предварительная цензура печати, от нее был отделен контроль почтово-телеграфной корреспонденции. После выступления генерала Л.Г. Корнилова в конце августа 1917 г. на газетных полосах вновь появились «белые пятна», что напомнило многим современникам о, казалось, безвозвратно ушедших дореволюционных временах. Осенью 1917 г. продолжились реформы военной цензуры и военного контроля, направленные на оптимизацию сети цензурных пунктов, переосмысление целей и задач цензоров в новых условиях. Однако до октября 1917 г. Временное правительство и командование армии не успели реализовать все планы по преобразованию военно-цензурной системы.

Цензурная политика большевиков основывалась на представлении, что буржуазия должна лишиться возможности выпускать свои газеты и журналы. Закрытие изданий сопровождалось национализацией средств печати и запасов бумаги, использовались и приемы, уже опробованные ранее Советами: препятствование выходу номеров в свет и рассылке. Оппозиционные газеты, в свою очередь, использовали приемы большевиков после ужесточения цензуры в июле–августе 1917 г.: создание подпольных типографий, изменение названий, приспособление под новые цензурные условия. Такая ситуация продолжалась до лета 1918 г., когда после

подавления левоэсеровского мятежа большевики закрыли последние «буржуазные» издания в Петрограде и Москве. В декабре 1917 – марте 1918 гг. военно-цензурная система периода Первой мировой войны была упразднена, но во многом на ее основе советская власть создала собственные органы контроля за печатью и корреспонденцией.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. *Богомолов И.К.* Американский журналист Стэнли Уошберн на Русском фронте Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 78–99 (1,1 п.л.). EDN: МНКХСВ. Импакт-фактор 0,383 (RSCI, РИНЦ).
2. *Богомолов И.К.* Сбор сведений о военных преступлениях австро-германских войск в годы Первой мировой войны (на материалах Московской губернии) // Россия и современный мир. 2020. № 2 (107). С. 50–60 (0,6 п.л.). EDN: CWKHDW. Импакт-фактор 0,818 (RSCI, РИНЦ).
3. *Богомолов И.К.* Свидетельства русского консула в Кенигсберге З.М. Поляновского о пребывании в германском плену. 1914–1915 гг. // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1131–1142 (0,5 п.л.). EDN: MVDYQW. Импакт-фактор 0,432 (RSCI, РИНЦ).
4. *Богомолов И.К.* Архивные документы к биографии инженера путей сообщения и публициста Н.Б. Емельянова // Отечественные архивы. 2021. № 4. С. 69–77 (0,6 п.л.). EDN: MXYYUY. Импакт-фактор 0,123 (RSCI, РИНЦ).
5. *Богомолов И.К.* Великая российская революция в современной зарубежной историографии // Российская история. 2021. № 5. С. 114–131 (1,2 п.л.). EDN: CEJGAC. Импакт-фактор 0,37 (JCI, WoS).
6. *Богомолов И.К.* Первая мировая война в воспоминаниях американского журналиста Стэнли Уошберна // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 115–129 (1,1 п.л.). EDN: GPOARG. Импакт-фактор 0,536 (SJR, Scopus).
7. *Богомолов И.К.* Письмо Н.И. Левитского А.И. Лысаковскому о представителях МИД в Петроградской военно-цензурной комиссии. 1916 г. // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 581–592 (0,6 п.л.). EDN: YYVSNJ. Импакт-фактор 0,432 (RSCI, РИНЦ).

8. *Богомолов И.К.* Публичные лекции и народные чтения о Первой мировой войне в Московской губернии (1914 – февраль 1917 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 5. С. 39–54 (0,6 п.л.). EDN: JLWFIO. Импакт-фактор 0,383 (RSCI, РИНЦ).
9. *Богомолов И.К.* Служебные инструкции Московской военно-цензурной комиссии (1914–1916 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 4 (102) (1,5 п.л.). EDN: CMFGKP. Импакт-фактор 0,242 (SJR, Scopus).
10. *Богомолов И.К.* Архивные документы к биографии представителя «цензорской династии» Российской империи М.А. Лагодовского // Отечественные архивы. 2022. № 4. С. 54–61 (0,5 п.л.). EDN: QFQNSS. Импакт-фактор 0,037 (RSCI, РИНЦ).
11. *Богомолов И.К.* Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117 (1,6 п.л.). EDN: FZUIDU. Импакт-фактор 0,37 (JCI, WoS).
12. *Богомолов И.К.* «При просмотре корреспонденции следует обращать внимание...». Инструкции военным цензорам Петрограда по обнаружению тайной переписки. 1916 г. // Исторический архив. 2022. № 4. С. 177–184 (0,6 п.л.). EDN: NLEOFM. Импакт-фактор 0,093 (RSCI, РИНЦ).
13. *Богомолов И.К.* Документы российских и зарубежных архивов к биографии американского корреспондента в дореволюционной России Стэнли Уошберна // Отечественные архивы. 2023. № 4. С. 37–44 (0,6 п.л.). EDN: DYWGMW. Импакт-фактор 0,123 (RSCI, РИНЦ).
14. *Богомолов И.К.* К истории публикации брошюры Н.И. Кареева «Южные славяне и Италия на Адриатике», 1916 г. // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 172–183 (0,4 п.л.). EDN: ZBMZQC. Импакт-фактор 0,432 (RSCI, РИНЦ).
15. *Богомолов И.К.* «Гражданская» цензура периода Первой мировой войны в документах федеральных и региональных архивов // Отечественные архивы. 2024. № 5. С. 74–83 (0,7 п.л.). EDN: DQDWQZ. Импакт-фактор 0,123 (RSCI, РИНЦ).

16. *Богомолов И.К.* Доклад генерал-майора Д.П. Струкова о постановке военной цензуры в Петрограде и Петроградском военном округе. 1915 г. // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 536–549 (0,6 п.л.). EDN: BGLLUU. Импакт-фактор 0,432 (RSCI, РИНЦ).
17. *Богомолов И.К.* Кинематографическая цензура в России в годы Первой мировой войны // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2024. Т. 65. № 5. С. 70–96 (1,6 п.л.). EDN: KGWXAQ. Импакт-фактор 0,383 (RSCI, РИНЦ).
18. *Богомолов И.К.* Придворная цензура в России в годы Первой мировой войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. № 12-1 (146) (1,1 п.л.). EDN: JZNIWC. Импакт-фактор 0,242 (SJR, Scopus).
19. *Богомолов И.К.* Цензура кинематографа в России в 1898–1914 гг. // Российская история. 2024. № 5. С. 76–91 (1,2 п.л.). EDN: SLDFUQ. Импакт-фактор 0,37 (JCI, WoS).
20. *Богомолов И.К.* Драматическая цензура в России в годы Первой мировой войны // Российская история. 2025. № 1. С. 109–126 (1,2 п.л.). EDN: AITFTW. Импакт-фактор 0,37 (JCI, WoS).

Другие публикации по теме диссертации:

Монография:

21. *Богомолов И.К.* Цензура печати в России в годы Первой мировой войны. М.: ИНИОН РАН, 2026. 240 с. (13,5 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

22. *Богомолов И.К.* Цензура печати в Москве накануне революции 1917 г. // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 3 (15). С. 16–23 (0,6 п.л.).
23. *Богомолов И.К.* Военная цензура печати в Москве в годы Первой мировой войны // История книги и цензуры в России. Пятые Блюмовские чтения. Материалы V Международной научной конференции, посвященной памяти

- А.В. Блюма. 21 мая 2018 года / Под науч. ред. М.В. Зеленова. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2019. С. 94–98 (0,5 п.л.).
24. *Богомолов И.К.* Цензура печати в Москве в годы Первой мировой войны // Цензура в России: история и современность: сборник научных трудов. Вып. 9. СПб.: Российская национальная библиотека; Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, 2019. С. 178–196 (0,5 п.л.).
25. *Богомолов И.К.* Временное положение о военной цензуре: проект 1910 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 3. С. 7–24 (0,8 п.л.).
26. *Богомолов И.К.* Накануне войны: проект «Положения о военной цензуре» 1912 г. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2022. № 4. С. 48–64 (0,7 п.л.).
27. *Богомолов И.К.* «Обратить печатное слово в мощного союзника...»: проект премьер-министра И.Л. Горемыкина по преобразованию военной цензуры (1915) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 6. С. 5–16 (0,9 п.л.).
28. *Богомолов И.К.* Цензура в Казанском военном округе в 1914 – феврале 1917 гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–27 октября 2023 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров, М.М. Беклемишева. М.: Институт российской истории РАН, 2023. С. 166–176 (0,6 п.л.).
29. *Богомолов И.К.* Военная цензура в России в 1914–1918 годы: структура, особенности работы, документальное наследие // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 174–184 (0,7 п.л.).
30. *Богомолов И.К.* Правила работы военного контроля почтовой корреспонденции в России в 1917 г. // Социальные и гуманитарные науки.

Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2024. № 1. С. 122–143 (0,9 п.л.).